

Она не позволит никому спасти их, она будет вечно мучить их, потому что это их долг, это грехи, которые совершили их предки.

Если никто не сможет восстановить справедливость для них, то они сами возьмут это в свои руки.

Но этого мало, слишком мало, даже если их души будут полностью съедены, этого все равно будет недостаточно!

Так как же она может позволить этим людям переродиться?

Женщина, полностью охваченная ненавистью, закричала в небо, ее тело яростно дергалось, и даже цепи, сковывающие душу, начали ослабевать...

А Ли Хуайчжэн, Чжан Даолин и их спутники невольно пролили слезы.

Даже с их стороны, как наблюдателей, они чувствовали отчаяние женщины, которое сдавливало их сердца, затрудняя дыхание...

Даже Ли Хуайчжэн невольно крепко закрыл глаза, но его дрожащие веки выдавали его внутреннее волнение.

Неизвестно, было ли это из-за судьбы женщины-призрака, но они больше не испытывали противоречий, считая, что все жители этой деревни заслуживают такой участи.

Вся деревня — без исключения.

Потому что вся деревня была настоящим адом!

Хотя в глубине души они знали, что такие мысли неправильны, они не могли контролировать себя...

Чжан Даолин, обладающий некоторыми способностями, был более спокоен, понимая, что его нынешние неконтролируемые эмоции вызваны влиянием женщины-призрака.

Она намеренно пыталась сломить их дух.

Если бы не Чэнь Циньцин, они бы уже не смогли выбраться из иллюзий, созданных женщиной-призраком.

Более того, они не просто наблюдали, а сами бы стали этой женщиной, испытав на себе всю глубину ее отчаяния.

И даже в таком состоянии они чувствовали себя лучше, чем могли бы.

Думая об этом, Чжан Даолин снова посмотрел на Чэнь Циньцину.

Чэнь Циньцин молча смотрел на женщину.

Он ничего не сказал, лишь снова бросил несколько талисманов, и новые цепи, сковывающие душу, еще крепче связали женщину, которая только что начала освобождаться.

Даже призрачные младенцы в ее животе словно были схвачены за шею.

Лишь их руки тянулись наружу...

Чэнь Циньцин продолжал произносить заклинания, и в следующий момент крики женщины-призрака изменились, став еще более мучительными.

— Что ты делаешь? — вырвалось у женщины-полицейского, которая еще не избавилась от своих эмоций.

Произнеся это, она поняла, что сказала лишнее, нарушив свою профессиональную этику. Хотя ее слова, казалось, не повлияли на Чэнь Циньцина, она все же почувствовала досаду.

Но эта досада сменилась сложными чувствами, когда она посмотрела на женщину...

Словно что-то сжимало ее сердце, заставляя задыхаться.

Будучи женщиной, она чувствовала это острее, чем остальные...

Полицейский Сяо Чжао понимающе похлопал ее по плечу. Они смотрели на эту женщину, и, узнав о ее судьбе, искренне не желали, чтобы она закончила плохо.

Ведь большинство злых духов, которых ловили небесные учителя, заканчивали свои дни, рассыпаясь в прах.

Но, как и в законе, в вопросах справедливости и чувств, закон должен быть превыше всего.

Поэтому им не стоило вмешиваться.

С заклинаниями Чэнь Циньцина те, кто был заточен на дне пруда, начали медленно подниматься, их души постепенно возвращались к своему первоначальному виду...

Призрачные младенцы пытались удержать их, но это было бесполезно, они больше не могли схватить их.

Души этих людей поднимались на поверхность воды, а затем, словно пузыри, начали исчезать...

Чжан Даолин, глядя на исчезающих призраков, с недоумением произнес:

— Неужели это действительно заклинание перерождения?

Но когда он увидел, как ненависть начала рассеиваться с призрачных младенцев, его лицо выразило удивление.

— Как это возможно?

Заклинание перерождения предназначено только для обычных духов, злые духи не поддаются под его действие. Чтобы освободить злого духа, нужно, чтобы он осознал свои грехи и отпустил свою привязанность, только тогда можно провести обряд освобождения.

Это сложнее, чем просто уничтожить злого духа.

Но сейчас Чэнь Циньцин явно собирается насильно освободить их.

Это еще больше увеличивает сложность.

Тем более, что это злой дух, созданный из ненависти столетних младенцев и невероятной ненависти женщины.

Освободить их — это практически невозможно, но Чэнь Циньцин делает это с такой легкостью, что это вызывает удивление.

В следующий момент Чжан Даолин увидел, как призрачные младенцы превратились в обычных младенцев, смеющихся и исчезающих в магической формации.

Последней, конечно, осталась сама женщина.

Без призрачных младенцев ее живот больше не был раздутым, став плоским.

Вернувшись к своему первоначальному облику, ее лицо больше не выглядело таким ужасным.

Это было похоже на то, как после долгого дождя внезапно выглянуло солнце.

Но, хотя ненависть с ее тела исчезла, на ее лице все еще оставалась злоба.

Она смотрела прямо на Чэнь Циньцина, словно обвиняя его в том, что он вмешался. Поскольку Чэнь Циньцин насильно освободил ее, она не смогла по-настоящему отпустить свою ненависть.

Хотя теперь она была в здравом уме и больше не полностью контролировалась ненавистью, она предпочла бы вернуться к своему прежнему состоянию.

Есть такая ненависть, которую нельзя отпустить.

Они не заслуживают перерождения.

Чэнь Циньцин, глядя на женщину, связанную цепями, сказал:

— За преступления, которые они совершили в мире живых, их будет судить Подземное царство. Не все, кто попадает туда, могут переродиться. Им нужно искупить свои грехи, прежде чем они смогут переродиться, и даже тогда они не обязательно станут людьми.

— Тебе не стоит ради них отказываться от себя.

Все посмотрели на Чэнь Циньцина.

Он говорил о Подземном царстве так, словно это было реальное место, и они почти поверили ему.

Но женщину явно не волновало ее перерождение, она хотела сама мучить их, но Чэнь Циньцин разрушил ее планы.

Чэнь Циньцин повернулся и посмотрел на место за пределами пруда, сказав:

— Выходи.

В следующий момент у края магической формации появилась маленькая девочка. Она смотрела на женщину и позвала:

— Мама...

Услышав этот голос, выражение лица женщины изменилось, она словно замерла, а затем медленно повернулась, глядя на девочку, стоящую у края пруда.

Девочка тоже смотрела на женщину. Она сделала шаг вперед, словно собираясь подойти к ней, но затем замедлила и остановилась...

Очевидно, их отношения не были близкими.

Но это было понятно, учитывая безумное состояние женщины, как она могла быть близка с дочерью?

Девочка снова неуверенно позвала:

— Мама...

Женщина резко ответила:

— Не называй меня мамой.

Девочка сжалась и больше не решалась звать ее, также не решаясь подойти ближе.

Женщина отвернулась, больше не глядя на девочку, ее лицо выражало решимость.

Словно она уже давно отказалась от этой дочери, и теперь ей не было смысла признавать ее.

Но девочка смотрела на женщину с грустью.

Женщина посмотрела на Чэнь Циньцина:

— Идем.

Чэнь Циньцин:

— Ты уверена, что не хочешь сказать ей что-то? Это ваш последний разговор.

Женщина:

— Не нужно.

Чэнь Циньцин посмотрел на девочку, но, увидев, что она молчит, больше ничего не сказал и начал произносить заклинания...

Затем Ли Хуайчжэн, его спутники и даже Чжан Даолин широко раскрыли глаза.

Потому что перед ними появился Бай Учан!

Полицейский Сяо Чжао потер глаза:

— Мне показалось?

Ошарашенные, никто не ответил ему.

Бай Учан кивнул Чэнь Циньцину, а затем, взяв цепи, исчез из мира живых.

<http://bllate.org/book/16138/1446158>